

УДК 1 (091)

Х. УАЙТ: РИТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФИЛОСОФИИ М. ФУКО¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Продемонстрировано, что риторический подход Х. Уайта к философии М. Фуко сосредотачивается на понимании дискурсивного стиля Фуко в границах тропологической теории. Отмечая, что стиль Фуко основывается на катахрезе, Уайт определяет, что характеристика развития гуманитарных наук в XVI–XX вв. представляет собой не что иное, как приписывание наукам тропологического типа отношений как способа отображения или кодирования мира.

Ключевые слова: риторика, тропология, дискурс, эпистема, язык.

Х. Уайт, рассуждая в границах аналитической философии истории и новой интеллектуальной истории, констатирует лингвистическую обусловленность исторических репрезентаций, выстраиваемых в соответствии с риторическими требованиями. Его интерес к проблемам дискурсивности и дискурса во многом был инспирирован М. Фуко: «Уайт прочитал его книги еще до их перевода на английский язык, и они стали своего рода лакмусовой бумагой для его собственных идей» [7]. Во-первых, он следует традиции восприятия дискурса, идущей от Фуко, включая в контекст рассмотрения дискурса экстралингвистические факторы как идеологические установки, необходимые для понимания. Дискурс – это жанр, в котором реализуется один из возможных способов отображения реальности, однако при этом признается возможность выражения вещей противоположным образом. Тропы выступают в качестве механизма, без которого дискурс не может полностью функционировать [15, р. 2–3]. Уайт постоянно акцентирует внимание на том, что в трактовке Фуко дискурс, так же как желание и власть, разворачивается в каждом обществе в контексте внешних ограничений, выступающих в качестве «правил исключения», правил, определяющих, что может быть сказано, а что нет, кто имеет возможность высказываться, а кто нет, что будет считаться «истинным», а что «ложным». Подобное прочтение властного механизма утверждается вместе с уходом в небытие традиционного общества [5, с. 174–177]. «Дискурсы не сменяют друг друга по логике некоей диалектики, не уступают друг другу место из лучших побуждений и не разбираются между собой перед трансцендентальным

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047-ОГН.

судом, единственные отношения, которые их связывают, – это отношения факта, а не права. Они вытесняют друг друга, их отношения – это взаимная вражда и соперничество. Не разум, а борьба – вот ключевое отношение мысли» [4, с. 49]. Во-вторых, Уайт рассматривает работы Фуко с позиций риторики и тропологии. По словам А. Мегилла, характеризовавшего его подход как риторико-диалектический, Уайт не претендовал на достижение некой абсолютной истины, ориентируясь скорее на поиск согласованности [13, р. 208]. Х. Келлнер отмечал, что подобная риторическая диалектика является типом интеллектуального объяснения Уайта [12]. М.А. Кукарцева также характеризует подход Уайта к исследованию исторических объектов как риторико-спекулятивный, сочетающий выявление и интерпретацию природы исторического объекта [7]. Отправной методологической точкой рассуждений Уайта является риторика Дж. Вико: «... в течение некоторого времени я занимался изучением мысли Вико и воспринял его мысль о том, что логика всей поэтической свободы содержится во взаимоотношении, которое язык сам по себе излагает в четырех принципиальных типах фигуративной репрезентации: Метафоре, Метонимии, Синекдохе, Иронии» [15, р. 94–95]. Уайт, как и Вико, характеризует тропы не только как фигуры речи, но и как фигуры мысли, выступающие в качестве аналогичных когнитивным формам сознания. Таким образом, поверхностная структура (фигура речи) становится глубинной структурой (фигурой мысли), оставаясь в то же время на поверхности [12, р. 11]. Не претендуя на то, чтобы тропологическая префигурация выступала в качестве закона функционирования дискурса, Уайт, тем не менее, характеризует ее как постоянно повторяющуюся модель современных дискурсов о человеческом сознании в целом. Тот факт, что аналогичные тропологические структуры появляются в творчестве мыслителей, различающихся как в предметных областях, так и в истолковании проблемы репрезентации и анализа, является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать теорию тропологии как полезную модель не только дискурса, но и сознания в целом [15, р. 19].

В центре внимания Уайта стоит «значимая интерпретация эволюции “формализованного” сознания западного человека со времен позднего Средневековья», осуществленная Фуко в работах «История безумия в классическую эпоху» [10], «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» [11], «Археология знания» [9] и дающая возможность фундаментального переосмысления европейской интеллектуальной истории [15, р. 255]. Примечательно, что Уайт не затрагивает вопросы, связанные с отношением Фуко к лингвистической философии, выявляемые на основе доклада «Аналитическая философия политики» (1978), в котором он обращается к феномену власти как предмету философского рассмотрения [3, с. 186].

Уайт рассматривает Фуко как продолжателя традиции континентальной европейской философии, традиции Лейбница, Гегеля, Конта, Бергсона и Хайдеггера, что подразумевает под собой метафизические ориентации: «Фуко стремился создать систему, способную объяснить почти все, а не просто осветить проблемы, возникающие из-за формальной логики или использования естественного языка» [15, р. 255]. Вместе с тем в концепции Фуко поиск единой концептуальной основы для историко-научного и историко-культурного исследования осуществлялся в различные периоды по-разному. В 60-е гг. XX в. Фуко, находясь под влиянием структурализма, сосредотачивался на исследовании эволюции гуманитарного знания, в 70-е гг., ориентируясь на постструктуралистское направление мысли, стремился представить генеалогию рождения дисциплинарного общества и власти, в 80-е гг. он обратился к «эстетике существования» и гуманистической проблематике [1, с. 89].

Фуко иногда относят к французскому структурализму, рассматривая его в качестве «философского аналога» К. Леви-Стросса в этнологии и Ж. Лакана в психологии. Подобное ассоциирование, в целом, представляется Уайту достаточно справедливым. Он относит Фуко к эсхатологическому направлению структурализма (вместе с Лаканом, Леви-Строссом и Бартом), сосредоточенному на способах, посредством которых структуры сознания скрывают реальность мира, изолируя людей внутри различных, если не сказать взаимоисключающих вселенных дискурса, мышления и действия. И в этой связи мысль ориентируется на внутреннее пространство определенного типа сознания, где все существенные тайны, непрозрачность и особенность характеризуются как свидетельства неистощимого разнообразия человеческой природы [15, р. 254–255]. Несмотря на определенное дистанцирование Фуко от структурализма, он разделял с Леви Строссом и Лаканом общий интерес к глубинным структурам человеческого сознания, убежденность в необходимости исследования языка, стремление рассматривать человеческие феномены как элементы коммуникационной системы, однако указывал, что структуралистское движение является последней стадией развития гуманитарных наук, начавшейся в XVI в. когда западная мысль стала жертвой иллюзии того, что порядок вещей может быть адекватно репрезентирован в порядке слов.

Структурализм обнаруживает открытие западной мыслью лингвистической основы таких концептов, как «человек», «общество» и «культура», не имеющих конкретных референтов в реальности. Для Фуко это означает, что гуманитарные науки на современном этапе развития представляют собой нечто большее, чем языковые игры, на основе которых формулируются их основные понятия. За понятием языковой игры стоят идеи Л. Витгенштейна о том, что язык есть часть человеческой деятельности, форма жизни; следовательно, его правила не явля-

ются чем-то строго зафиксированным: по мере того как устаревают одни виды языковой игры, появляются новые, которые затем выходят из употребления и забываются [8, с. 178]. С Витгенштейном Фуко роднит доверие только к единичному, отказ от истины как соответствия мысли вещи и убеждение в том, что нечто в нас («дискурс» или, согласно Витгенштейну, язык) «думает на нашем месте больше, чем мы сами» [4, с. 73]. Мы мыслим посредством слов и действуем посредством поведенческих кодов, при этом каждая языковая игра имеет свою «истину», т. е. отсылает к некоей норме, позволяющей различать то, что принято и не принято говорить о том или ином предмете [4, с. 73]. Фуко, стремясь исследовать и изменить укорененные привычки мышления, также указывал, что отношение к истине есть некая игра, случайный продукт изменчивых правил, воплощенных в различных социальных убеждениях и практиках [8, с. 492].

Уайт, следуя за англо-американской традицией мысли, относит Фуко к постмодернистам, характеризуя его позицию как постироническую, ориентированную на «сокрытие мысли в мифе» [15, р. 254–255]. Но, как отмечает Н.С. Автономова, постмодерн и постмодернизм не были собственными понятиями Фуко. Он не хотел говорить о всеобщем, но очень тщательно строил категорию «общего», «общности», прекрасно понимая, что без этого никакое познание не возможно [2, с. 81–82]. Сомнение в структуралистских ориентациях Фуко высказывал и П. Вен: «Нет, Фуко не был структуралистом... Он не был ни релятивистом, ни историцистом, не подозревал всюду идеологию. По собственному признанию, он был – редкий случай в XX веке – скептиком, верившим только в истину фактов, бесчисленных исторических фактов, которыми полнятся страницы его книг, и никогда – в истину общих идей [4, с. 5]. Дж. Миллер утверждал, что по образованию и характеру Фуко был формалистом. Идею структуры мышления, лежащей в основе даже кажущихся случайными образцов в сновидении, он усвоил от таких французских историков науки, как Г. Башляр и Ж. Кангийем [8, с. 182].

Философская позиция Фуко, по Уайту, близка также воззрениям Ф. Ницше: «... его дискурс начинается там, где остановился Ницше в Ессе Ното: в восприятии “безумия” всей “мудрости” и “глупости” всего “знания”». В дискурсе Фуко не существует центральной точки, он преднамеренно поверхностен, стремясь устранить разграничение поверхностного и глубинного уровней [14, р. 104–105]. Как указывает Уайт, в центре исследования Фуко стоит теория дискурса, основанная на отношениях между языком и опытом, возникшая в ныне дискредитированной области риторики. Хотя Фуко использует риторические понятия, сама идея языка остается не исследованной им, следовательно, «его мысль остается пленницей той самой силы, которую она должна была рассеять» [14, р. 134].

Цель Фуко, согласно Уайту, состоит в том, чтобы «возвратиться к восприятию мира, каким он существовал до того, как в нем проявилось человеческое сознание; к миру вещей, который не является ни упорядоченным, ни беспорядочным, а просто тем, чем кажется» [15, р. 232–233]. Фуко трактует способность разума упорядочивать данные опыта как препятствие для правильного понимания того, как на самом деле обстоят дела, рассматривая язык как конституирующий категории и ощущения. Определенное нищестановление Фуко проявляется в его воззрении о смерти вещей в целом и ожидании времени, когда «аполлонская форма науки... исчезнет в праздновании Дионисом “наслаждения формами”». «Вот почему “история” западной мысли и практики Фуко – это стремление демистифицировать, раскрыть, разоблачить, раздробить» [15, р. 233].

Подход Уайта к философии Фуко является риторическим, сосредоточенным на понимании дискурсивного стиля Фуко в границах тропологической теории. Для него авторитет и сила дискурса Фуко происходит главным образом из его стиля (нежели из его фактических доказательств или строгости аргументации), основанного преимущественно на катахресе как модели мировоззрения, с которой Фуко начинает критику гуманизма, науки, разума и большинства институтов западной культуры со времен Ренессанса [14, р. 105–106].

Рассматривая «Слова и вещи», Уайт указывает, что Фуко воспринимает историю не столько как методологию или способ мышления, сколько как признак специфического недомогания XIX в., возникшего в результате открытия временности всех вещей и представлявшего собой не более чем формализацию мифа. Фуко пишет «историю», чтобы уничтожить ее как дисциплину, форму сознания и способ существования, предлагая заменить ее «археологией» [15, р. 233]. Под этим термином он подразумевает отказ от традиционного исторического описания идей в пользу исследования механизмов, дающих возможность осуществить концептуализацию возможных в рамках определенных пространств знания или способов фиксации дискурсивных практик [9]. Археология позволяет отказаться от таких оснований традиционной истории идей, как преемственность, традиции, влияния, причинность, сравнения, типологии, и сосредоточиться на исследовании «разрывов», «отсутствия непрерывности» в истории сознания, т. е. на различиях, существующих между различными эпохами в истории сознания, а не на сходствах, стремясь сохранить индивидуальную неповторимость отдельных исторических событий, сколь бы малыми и незначительными они ни казались.

По словам Уайта, «Слова и вещи» содержат мало того, что можно охарактеризовать как историю в традиционном понимании и практически ничего, что можно идентифицировать как нарратив. Фактически, Фуко отвергает авторитет как логики, так и конвенционального нарратива

[14, p. 108]. Вместо того чтобы обозревать историю мысли (в духе Гегеля и Маркса) как некий коллективный и кумулятивный процесс, Фуко подошел к прошлому как к калейдоскопу, содержащему разрозненные фрагменты: он показывает рисунок, но этот рисунок случаен; перейти от одной эпистемы к другой – значит повернуть калейдоскоп и создать новый рисунок; последовательность рисунков не подчиняется никакой внутренней логике, не соответствует никакой универсальной разумной норме... последний рисунок не более истинен и не более ложен, чем предшествующие» [8, с. 207].

Фуко, по Уайту, стремится к дискурсу, который является свободным в радикальном смысле. «Скорее у нас есть ряд “диагнозов” – то, что Фуко называет эпистемами», санкционирующие различные способы функционирования дискурса, в рамках которых могут быть разработаны гуманитарные науки [14, p. 108–109]. Чтобы подчеркнуть новизну исследуемой области, Фуко использует термин «эпистема», заимствуя у древних греков слово, обозначающее познание. По его определению, эпистема есть эпистемологическое пространство, характерное для каждого отдельного периода, основная форма мышления и теоретизирования [8, с. 204]. Эпистемы (функционирующие во многом как «парадигмы» Куна) диалектически не сменяют друг друга и не объединяются. Они просто появляются рядом друг с другом. Следовательно, Фуко не только отрицает какую-либо преемственность развития наук; он отрицает непрерывность сознания в целом [15, p. 234–235].

Несмотря на традиционное признание трех эпистем Фуко, Уайт говорит о наличии четырех эпистем: первая начинается в позднем Средневековье и заканчивается в конце XVI в.; вторая охватывает XVII–XVIII вв.; третья начинается около 1785 г. и продолжается до начала XX в.; «четвертая только появляется» [15, p. 235]. Согласно теории Фуко, эпистема не может быть известна тем, кто существует в ее эпоху. Мы существуем в промежутке между двумя эпистемами, одна из которых умирает, а другая еще не родилась, но глашатаями которой являются «сумасшедшие» поэты и художники последних полутора веков [14, p. 114].

Обращаясь к анализу воззрения Фуко, Уайт отмечает, что в основе анализа хода развития гуманитарных наук с XVI в. по XX в. лежит постренессансная риторическая теория и тропологическая редукция. Фуко согласен с риториками XVIII в. и П. Фонтанье, относительно наличия четырех типов отношений, связывающих знак и репрезентируемую им целостность: «... постепенный анализ языка и более совершенное его расчленение, позволяющие дать одно имя множеству вещей, сложились по линии тех фундаментальных фигур, которые были хорошо известны риторике: синекдоха, метонимия и катахреза (или метафора, если аналогия трудно заметить сразу)» [11]. Каждый троп представляет особый способ построения отношений между знаками и вещами, кото-

рые они обозначают. Из этого следует, что если дискурс берет свое начало в «тропологическом пространстве», он должен разворачиваться в той или иной фундаментальной модальности конфигурации, в которой может быть истолкована связь между «словами и вещами». Таким образом, тропология составляет основу того, что Фуко называет эпистемой эпохи в истории мышления и выражения [14, p. 116].

По Уайту, характеристика гуманитарных наук XVI в. со стороны Фуко представляет собой не что иное, как приписывание наукам метафорического типа отношений как способа отображения или кодирования мира. Метафора характеризуется утверждением сходства двух объектов, различающихся в процессе восприятия. Но любая наука, стремящаяся составить полный список всех сходств, неизбежно приводит к пониманию различий, которые существуют между вещами. Когда список вещей, похожих друг на друга, достигнет определенного предела, вся конструкция рухнет; факт очевидного отличия всех вещей приобретет статус первичной основы восприятия. В этот момент перед «наукой» должна быть поставлена совершенно другая задача, заключающаяся в разработке отношений, предположительно существующих между разными вещами, единственной очевидной взаимосвязью между которыми будет их нахождение в режиме смежности, т. е. в пространственных отношениях. Основным тропом науки в этом случае будет метонимия, буквально означающая «замещение имени». Метонимия – это поэтическая стратегия, с помощью которой смежные сущности могут быть сведены к статусу функций друг друга. Гуманитарные науки XVIII в., описанные Фуко, представляют собой не многим более чем эпистемологические проекции тропа метонимии [15, p. 252–253]. Изучение вещей в аспекте их существования как целостности, состоящей из отдельных частей, являющейся истинной основой механистической природы мысли эпохи, в конечном итоге также было обречено на неудачу. Открытие того факта, что вещи не только отличаются друг от друга, но и внутренне различаются в течение их жизненных циклов, является основой для темпорализации порядка вещей, который Фуко приписывает сознанию XIX в. Науки о жизни, труде и языке XIX в. основаны на открытии функциональной дифференциации частей в совокупности и понимании преэминентности как модальности отношений между сущностями, с одной стороны, и между различными частями какого-либо одного объекта – с другой. Но подобное «схватывание» частей вещи как аспектов целого, которое является большим, нежели сумма данных частей, приписывание целостности и органического единства скоплениям элементов в системе, является модальностью отношений, конструируемых посредством тропа синекдохи. Важным моментом является также то, что предполагаемая Фуко связь между науками XVIII в. и XIX в. коррелирует с устанавливаемым Уайтом отношением между метонимией и синекдой. Тип иронических отношений господствует в гуманитарных науках

XX в. По словам Уайта, Фуко рассматривает такие философские направления и системы мышления, как психоанализ, экзистенциализм, лингвистический анализ, логический атомизм, феноменология, структурализм, как проекции тропа иронии [14]. Эпистемы не связаны друг с другом, поэтому переход от одной к другой можно охарактеризовать как разрывы в западном сознании, «настолько экстремальные, что они изолируют эпохи друг от друга» [15]. Подходящим образом для характеристики перехода от одной эпистемы к другой является архипелаг – цепочка островов, самые глубокие связи между которыми неизвестны и непознаваемы.

Анализируя работу Фуко, Уайт отмечает, что ее скрытым главным героем является язык, а основной темой выступает репрезентация порядка вещей в порядке слов. В «Словах и вещах» различные способы репрезентации, появляющиеся в западноевропейской мысли, «представляют феноменальный агон, посредством которого язык движется по пути к своему нынешнему воскрешению и возвращению к “жизни”» [15, р. 235]. Как и в «Истории безумия в классическую эпоху», Фуко представляет хронику исчезновения и повторного появления языка – его исчезновение в «репрезентации» и его повторное появление на месте репрезентации, выразившееся в признании западным сознанием неспособности создавать гуманитарные науки, аналогичные естественным. Фуко, стремясь разрушить миф о прогрессивном развитии гуманитарных наук, отказывается от общепринятых объяснительных стратегий интеллектуальной истории, отвергает все редукционные стратегии традиционных исторических и научных исследований [15, р. 236].

Комментируя призыв Фуко восстановить язык из царства молчания, к которому он был отнесен вследствие использования в целях «репрезентации», Уайт указывает, что результатом десакрализации слова является уничтожение стремления видеть вечные иерархии в порядке вещей. Как только язык освобождается от задачи репрезентации мира вещей, мир вещей оказывается перед сознанием именно таким, каким он был все время: множество простых вещей, ни одна из которых не может претендовать на привилегированный статус относительно любой другой. И тем самым гуманитарные науки освобождаются от тирании, которую подавленное слово осуществляло над ними, и более не должны претендовать на статус «наук» [15, р. 250].

Уайт трактует разделение событий и фактов у Фуко в рамках воззрений аналитической философии истории. События приобретают статус «фактов» в силу возможности включения их в набор лексических единиц, анализа посредством синтаксических стратегий, санкционированных способами репрезентации, преобладающими в определенное время и место. Это представляется особенно актуальным, когда необходимо точно определить местонахождение, идентифицировать и проанализировать данные таких категорий существования, как «жизнь»,

«труд» и «язык» – трех заявленных областей исследования гуманитарных наук. Однако «жизнь», «труд» и «язык» есть не что иное, как отношение между словами и вещами, которые, как предполагается, существуют или могут существовать в определенную эпоху [15, р. 237].

Природа гуманитарных наук, раскрываемая в «Археологии знания» [9] в этой связи, заключается в стремлении сконструировать онтологически нейтральные языковые протоколы, посредством которых порядок вещей репрезентируется в целях рефлексии и анализа. Но поскольку язык сам по себе является всего лишь еще одной вещью среди других, приписывание любому лингвистическому протоколу привилегированного статуса инструмента репрезентации приводит к расхождению между миром и знанием о нём. Следовательно, по Уайту, каждая эпоха интеллектуальной истории должна рассматриваться как «место раскопок», предметом которых являются структуры языковых ставок и эпистемологических обязательств, которые изначально составляли ее. Подобный анализ дает представление о «моделях дискурса», преобладающих в данный момент времени, что, в свою очередь, позволяет получить «эпистемологическую основу» и «формулировочную» деятельность, санкционирующую определенный тип дискурса. Таким образом, каждая из эпох западной культурной истории оказывается запертой в определенном типе дискурса, который одновременно обеспечивает доступ к «реальности» и ограничивает горизонт того, что может казаться реальным. Одновременно Уайт концентрирует внимание на том, что, по Фуко, любой тип дискурса можно идентифицировать не по тому, что он позволяет сознанию сказать о мире, но по тому, что он запрещает говорить, той области опыта, которую сам лингвистический акт отрезает от репрезентации в языке [15, р. 239].

Собственный дискурс Фуко, как отмечает Уайт, имеет тенденцию принимать форму того, что Н. Фрай называет «экзистенциальной проекцией» риторического тропа в метафизику. В традиционной риторической теории катахреза (термин традиционной стилистики, обозначающий употребление слов в переносном смысле, противоречащем их прямому, буквальному значению, причем противоречие это выступает или благодаря необычному соединению слов в переносном значении или благодаря одновременному употреблению слова в прямом и переносном значении [6]) предполагает различие между буквальным и переносным значениями слов, а также указывает на обоснованность различия между «правильным» и «неправильным» использованием. Катахреза, организующая мысль Фуко, санкционирует использование различных фигур, таких, как парадокс, оксюморон, гистерон-протерон, металепис, пролепис, антономазия, парономазия, оксюморон, гипербола, литота и т. д. Его собственный дискурс подразумевает под собой злоупотребление всем, за что выступает «нормальный» дискурс, противостоя ему как иронический антитезис. Следовательно, с позиции Уайта, у

Фуко все слова берут свое начало в «тропологическом пространстве», в котором «знак» обладает свободой освещать любой аспект сущности, а все словесные конструкции в основном выстраиваются в соответствии с катахрезой, поскольку более не существует объединения любого означающего с любым означаемым, являющегося «естественным» или заданным «необходимостью». Буквальное значение, как и «правильное» использование, является продуктом применения нормы, социальной по природе, а следовательно, произвольной, а не результатом действия закона [14, p. 115].

Итак, подход Уайта к философии Фуко является риторическим, сосредоточенным на понимании дискурсивного стиля Фуко в границах тропологической теории. Риторическое прочтение Уайта позволяет выявить доминирующий троп в дискурсе, а затем продемонстрировать, каким образом лингвистические средства формируют структуру мысли. Привилегированным тропом мысли Фуко является катахреза, а весь язык представляет собой злоупотребление, поскольку он дает одно имя вещам, различным по своей «внутренней природе», расположению в пространстве или внешним признакам. В трактовке Уайта, Фуко вновь открыл значимость генеалогического аспекта языка, степени, в которой он не только репрезентирует мир вещей, но также представляет собой модальность отношений между вещами. Именно этот аспект языка был утрачен вследствие дифференциации науки и риторики в XVII в. Цель исследования Фуко, по Уайту, заключается в изучении эволюции гуманитарных дисциплин, в рамках которых осуществляется раскрытие образных стратегий, санкционирующих концептуализированные ритуалы. Эпистемы представляют собой дискретные области фиксации порядка вещей посредством принципиально различных изолированных языковых протоколов. Создаваемые эпистемологические поля содержат в себе определенную потенциальную возможность восприятия конкретных массивов данных и создания их в качестве возможных объектов изучения, на которых сфокусированы гуманитарные науки определенной эпохи. При этом система объяснения Фуко, равно как и теория преобразования разума, науки и сознания, трактуется Уайтом как принадлежащая к традиции лингвистического историзма, восходящей к Дж. Вико: Фуко был заинтересован в том, чтобы продемонстрировать, что системы мышления в гуманитарных науках следует рассматривать как нечто большее, нежели терминологические формализации поэтического смыкания с миром слов. Но в то же время само конституирование гуманитарных наук являлось поэтическим актом, подлинным «созданием» области исследования, в которой не только были санкционированы конкретные способы репрезентации, но также определялось само содержание восприятия.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 703 с.
2. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 270 с.
3. Ануфриева К.В. М. Фуко и аналитическая философия: история как предмет генеалогического постижения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2019. № 3. С. 184–194.
4. Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
5. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
6. Катахреза // Литературная энциклопедия: в 11 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le5/le5-1581.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 04.06.2019).
7. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm (дата обращения: 02.02.2019).
8. Миллер Дж. Страсти Мишеля Фуко. М.: Кабинетный ученый, 2013. 528 с.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: НИКА-ЦЕНТР, 1996. 208 с.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. 704 с.
11. Фуко М. Слова и вещи [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 04.06.2019).
12. Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // History and Theory. 1980. V. 19, № 4. P. 1–29.
13. Megill A. The rhetoric of history [Electronic resource]. URL: http://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/Article_96.pdf (accessed: 03.03.2019).
14. White H. The content of the form: narrative discourse and historical Representation. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.
15. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

H. WHITE: RHETORICAL APPROACH TO M. FOUCAULT'S PHILOSOPHY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is aimed at revealing that H. White's rhetorical approach to M. Foucault's philosophy focuses on understanding Foucault's discursive conception within the framework of tropological theory. Noting that Fou-

cault's style is based on katahrez, White believes that the characteristics of the development of the humanities in the XVI–XX centuries represent nothing more than ascribing to the sciences a tropological type of relationship as a way of representing or coding the world.

Keywords: *rhetoric, tropology, discourse, episteme, language.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru